

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Б. С. ВИНОГРАДОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

Л. Н. Толстой, создав повесть «Казачья», «открыл» для русского общества своеобразный мир гребенского (иначе — терского) казачества — самых ранних русских поселенцев восточной части Северного Кавказа¹.

Этнографические элементы повести Толстого были замечены сразу же по выходе произведения в свет. Обращали на них внимание и в последующее время.

Современный исследователь народного творчества терского казачества называет повесть «настоящим шедевром русской этнографической прозы» и справедливо утверждает, что «Казачья» возбудили интерес к поэтической культуре терцев и на многие годы дали образец для их этнографического описания².

До сих пор в печати, однако, не было отдельных работ, посвященных анализу этнографического материала в повести «Казачья»³. Настоящая статья стремится хотя бы частично восполнить этот пробел.

* * *

Обращение Толстого к этнографии и фольклору находилось в прямой зависимости от творческих позиций молодого писателя. Широкое использование материала, раскрывающего быт, нравы, привычки, характер гребенцев, служило реализации основного идейно-художественного замысла произведения — противопоставлению здоровой духовной жизни трудового народа паразитическому существованию господствующих классов.

Работая над своей «кавказской повестью», Толстой не пошел по пути поверхностного этнографизма, которым шли в основном писатели-романтики первой половины XIX в., а стремился, говоря словами Н. Г. Чернышевского, «с замечательным мастерством» воспроизводить «не только внешнюю обстановку быта поселян, но, что гораздо важнее, их взгляд на

¹ Гребенские казаки свое название получили от гор — «гребней», на которых они поселились в давние времена. Позже они заняли сначала правый, а затем левый берег Терека. В широком смысле термин «терские казаки» определяет все казачье население по Тереку. Но иногда терскими казаками называют только казаков, живущих по соседству с гребенцами, расселившимися в станицах Червленной, Старо-Щедринской, Гребенской (ранее Новогладковской), Старогладковской, Курдюковской, ныне входящих в состав Чечено-Ингушской АССР.

² Б. Н. Путилов, Русская былина на Тереке, «Ученые записки Грозненского университета», № 3, филологическая серия, вып. 3, 1947, стр. 9—12.

³ В статье У. Б. Далгат-Чавтараевой «Этнографический материал в кавказских повестях Л. Н. Толстого» («Сов. этнография», 1953, № 4) повесть «Казачья» не анализируется.

вещи»⁴. Этнографический материал в повести «Казачи», тщательно отобранный талантливым художником, служит прежде всего раскрытию «внутренней жизни» народа; однако большое место в повести занимают чисто этнографические описания.

* * *

Интерес Л. Н. Толстого к жизни гребенского казачества возник в период его пребывания на Кавказе с 1851 по 1854 год. Постоянным местожительством молодого писателя была в эти годы одна из старейших гребенских станиц — Старогладковская. Толстой часто бывал и в других казачьих станицах, расположенных на левом берегу Терека и по Сунже. Здесь он наблюдал быт и нравы терцев и сунженцев, интересовался их обычаями и обрядами, внимательно изучал их устное творчество. Толстой дружески общался со станичниками, в свободное время джигитовал, охотился, принимал участие в их играх и празднествах. Одним из лучших друзей писателя среди казаков был житель Старогладковской, девяностолетний Епифан Сехин, послуживший прототипом для образа Ерошки в повести «Казачи». Старый гребенец хранил в своей памяти многочисленные исторические предания о возникновении гребенского казачества, о легендарном посещении Терека Иваном Грозным, о старинном житье-бытье казаков, различного рода «былички», знал прекрасно быт и нравы станиц и аулов, был талантливым исполнителем народных русских и горских песен.

Своеобразная жизнь казачества привлекла серьезное внимание писателя: его кавказский дневник, записная книжка, письма к родным полны разнообразных впечатлений фольклорного и этнографического характера.

Обращает внимание, например, такая дневниковая заметка: «Несколькими словами в одном из своих рассказов Епифанка превосходно выразил мнение казаков о значении женщины: «Ты, жена, — холопка, — работай, говорит муж жене, а я загулял» (46, 206)⁵. Позднее этот взгляд казачества Толстой отразил в повести «Казачи».

Короткая запись от 11 ноября 1852 года говорит: «Был на свадьбе. Etudes de mœurs не удалась». Красочная свадебная обрядность гребенцев так захватила Толстого, что он несколько раз пытался описать свадьбу (6, 256). До нас дошел вариант повести с эпизодом, в котором Ерошка выступает сватом-неудачником (6, 244—245).

За лаконичной записью: «... казачьи хороводы с песнями и стрельбой, шакалки и славная звездная ночь — славно» (46, 143) встает картина игр и танцев гребенских казаков.

Интересовался Толстой также народной медициной, поверьями, приёмами. Он записал народные средства лечения «лихорадки», отметил, что «общеупотребительные внутренние лекарства в простом народе суть: сулема, росной ладан, имбирь», зафиксировал своеобразный «диагноз» знахаря Зверчика: «у этого человека болезнь ветряная — ветер поднялся, ну его и душит» (46, 277). В январе 1854 года Толстой сделал две записи: о ведьмах, высасывающих кровь из детей, и о разрыв-траве, открывающей двери, замки, кандалы (46, 223—224). Последняя запись была потом использована в «Казачах». В дневнике имеется заметка о колдуне Миньке-кривом (46, 199), а в окончательном тексте повести «Казачи» Лукашка встречается с колдуном Бурлаком (6, 130).

Толстой обращал внимание на собственные имена, названия вещей, животных, которые, по его мнению, обрисовывают быт казаков лучше, чем описания. «Например: бык — Алексеич, ящик — бабушкина шкатулка».

⁴ «Л. Н. Толстой в русской критике», Сборник статей, изд. 2-е, дополненное, М., 1952, стр. 107.

⁵ Здесь и в дальнейшем дается ссылка на юбилейное издание Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

Тонкие наблюдения сделаны Толстым в области устного народного творчества, а также лексики, синтаксиса и морфологии казачьего говора.

Молодой писатель стремился обобщить наблюдения и понять внутренний строй народной казачьей жизни.

Значительный этнографический интерес представляет стихотворение Толстого «Эй, Марьяна, брось работу», записанное в кавказской тетрадке (1, 299—300). В стихотворении изображен характерный для терского казачества обычай встречать всей станицей «похожих» — находящихся в походе казаков. Молодайка Марьяна тоже вышла встречать своего возлюбленного Куприяна, а встретила его труп.

В стихотворении отражен обычай выходить станичникам навстречу к «похожим» с хлебом, солью и чихирем (виноградное вино местного производства), а казакам — подъезжать с песнями, стрельбой. Наряжаясь для встречи, Марьяна надела красный бешмет — стеганое полукафтанье особого покроя (мужчины носили его под черкеской), косу завязала шелковой сорочкой — платком; на ноги надела чувяки с оторочкой — мягкие туфли без каблуков, распространенные на Кавказе; на шею — «монисто из серебряных монет». В стихотворении нашла также отражение деталь похоронного обряда, заимствованная казаками у горцев: труп Куприяна был покрыт буркой.

Живя на Кавказе, Толстой начал работу над большим романом в трех частях «Беглец», или «Беглый казак». Из этого и получилась повесть «Казачи». В раннем варианте произведения содержится более обильный этнографический материал, чем в окончательном⁶. Толстой описывает некоторые домашние работы гребенской казачки, ее одежду, а также домашнюю утварь, обычаи станичников. В тексте или примечаниях разъясняются особенности быта, — например, что такое «сорочка», почему казачки закрывают лицо (6, 176 и 177), каковы взаимоотношения мужа и жены в казачьих семьях (6, 186) и пр.

Мы не ставим перед собой задачу охватить все богатство этнографического материала, имеющегося в дневнике, записной книжке и вариантах повести Толстого, а хотим только обратить внимание на то, насколько широко он изучал далекое прошлое казачества, его материальную и духовную культуру, трудовую и воинскую деятельность, быт, обычное право, фольклор и особенности говора.

Л. Н. Толстой не ограничивался при изучении жизни гребенского казачества личными наблюдениями и собиранием материала, — он внимательно читал литературу о Кавказе, а после отъезда с Терской линии продолжал получать нужные ему сведения путем переписки. В 1858 году бывший батарейный командир Толстого, Николай Петрович Алексеев прислал ему тексты нескольких народных гребенских песен. В 1862 г. он же, узнав, что Толстой «собирается писать о Кавказе и обложился книгами», в письме от 23 сентября советовал ему изучить историю, быт, нравы народов Восточного Кавказа и обещал прислать записки дивизионного врача П. А. Головинского, представлявшие собой серьезный историко-этнографический труд⁷.

Обращение Толстого к тематике «Казачков» не случайно. В повести выдвинуты важнейшие вопросы, волновавшие Толстого: исторические судьбы народа, взаимоотношения дворянства и крестьянства. Знаменательна его дневниковая запись от 13 апреля 1857 года: «Будущность России — казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого» (47, 204). По мнению Толстого, мужик говорит: «пусть запишут нас в казаки

⁶ Черновые автографы хранятся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого Министерства культуры СССР в Москве. Ранний черновой вариант «Казачков» опубликован в юбилейном издании Полного собрания сочинения Л. Н. Толстого, т. 6, стр. 176—188.

⁷ См. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махач-Кала, 1929, стр. 7.

и земля будет вольная» (48, 85). Во взгляде Л. Н. Толстого на казачество отразилась точка зрения крестьянства, но в условиях развивающегося капитализма мечта о «свободном казачестве» была несбыточна. К тому же царизм использовал терских казаков как орудие в войне против горцев.

Для реалистического, всестороннего художественного изображения казачества с позиций демократизма и народности Толстому был необходим обширный этнографический материал, который он и привлек.

Этнографы XIX века рассматривали гребенцов чаще всего как население, родственное северокавказским горцам, и, вольно или невольно, отделяли казаков от русского народа⁸. Господствовало, например, мнение о гребенских казачках, как о горянках, похищенных из аулов и привезенных в станицу.

Толстой не отрицал влияния горцев на быт и нравы казаков, указывал, что казаки «перероднились» с горцами, но в то же время настойчиво проводил мысль о том, что гребенцы — настоящие русские. В черновом варианте повести говорится: «Они приняли одежду, оружие, некоторые обычаи чеченцев, выучились татарскому языку, перероднились с чеченцами, брали у них жен, но сами удержали во всей чистоте свой язык и веру». А несколькими строками ниже гребенцы названы «чисто русским народцем», удержавшим «с поразительным постоянством» все обычаи и нравы старины⁹.

В окончательном тексте уже совершенно определенно говорится о «воинственном, красивом и богатом староверческом русском населении, называемом гребенскими казаками» (6, 15).

Не сразу было найдено четкое определение типа гребенской казачки: «Красота гребенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого < южного > типа черкесского лица с < необычно могучим > широким и могучим» сложением < русской > «северной» женщины¹⁰. Отмечая в гребенской казачке черты физического типа «северной женщины» Толстой становился на точку зрения «северного» происхождения гребенцов¹¹.

Не соглашался писатель и со взглядом на бытовой уклад гребенского казачества, как на механическое соединение горских и русских элементов, с преобладанием горских, а видел в нем оригинальное явление. Это четко отразилось в работе автора над описанием внутреннего убранства казачьего жилища.

В черновом варианте находим: «Первая комната, в которую прямо со двора веда лесенка, была холодная и прибранная, как у всех казаков, чисто, изящно, по татарскому у.

⁸ См. «Северный архив», ч. I, 1822, № 2, стр. 175—176; И. Дебу, О кавказской линии и присоединенном к нему черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о соседственных горских народах, СПб., 1829, стр. 55—56; Пл. Зубов, Картина Кавказского края, принадлежащего к России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях, СПб., 1835, стр. 122.

⁹ Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, инв. № 8837/11.

¹⁰ Там же. В данном случае в одинарные скобки () взяты слова, вычеркнутые автором; в двойные <<>> — вписанные.

¹¹ Представители дореволюционной исторической науки высказывали две точки зрения на происхождение гребенского казачества. Одни утверждали, что гребенцы вышли из состава донских казаков, другие, — что гребенское казачество определилось в самостоятельную группу и занимало юго-восточные окраины Рязанского княжества еще до переселения на Терек. Толстой, видимо, считал, что оно пришло с севера. К этому же мнению склоняется современная исследовательница говора гребенского казачества Э. Я. Бенская: «В частности, установление северновеликорусской основы говора предков гребенцов является существенным дополнительным доказательством ошибочности гипотез о «донском» или «рязанском» источнике миграции казаков. Несомненно, что родину предков гребенцов надо искать где-то севернее». Э. Я. Бенская, Средне-великорусский говор на территории Грозненской области (говор станицы Старо-Щедринской), «Изд. Грозненского областного краеведческого музея», вып. 6, Грозный, 1954, стр. 82.

Вся противоположная двери стена была убрана по азиатскому обычаю свернутыми пуховиками, одеялами и подушками, развешанной вычищенной посудой и оружием. В теплой горнице, в которой располагалась палево от входа занимавшая четверть всего пространства русская печь, кровать, приделанная к печи, и в красном углу — столы и лавки, было также чисто и красиво»¹².

В окончательном тексте хата гребенца описана так: «Она стояла на столбах, в два аршина от земли и состояла из двух комнат. В первой, в которую вошел Оленин по крутой лесенке, лежали пуховики, ковры, одеяла, подушки и а казачий манер, красиво и изящно прибранные друг к другу у одной лицевой стены. Тут же, на боковых стенах, висели медные тазы и оружие; под лавкой лежали арбузы и тыквы. Во второй комнате была большая печь, стол, лавки и старoverческие иконы» (6,94—95)¹³.

Именно «казачий манер» определил в повести быт гребенских станиц. Складываясь не без воздействия горцев, этот быт не терял русской национальной основы.

* * *

Изображение казачества Л. Н. Толстой открывает в повести историко-этнографическим очерком (глава IV). Ко времени опубликования повести «Казачьи» (январь 1863 года) в периодической печати появились разного рода «записки», «воспоминания», «очерки», «повести» о казаках. Авторы их более всего обращали внимание на внешнюю сторону быта, выделяя эффектные детали.

В повести же Л. Н. Толстого глава IV является прелюдией к глубокому художественному раскрытию жизни и характеров гребенцов во всей их сложности и многообразии — их быта, нравов, привычек и, главное, внутреннего мира.

Л. Н. Толстой дает широкую картину жизни казачьих станиц.

Панорама той части Терской линии, на которой расположены гребенские станицы, и ее обширных «окрестностей», от необозримых степей до снежных гор, «которые только видны, но в которых никто никогда еще не был», указание на то, что Терек подмывает станицы и заставляет их отступать, упоминание об идущих от станицы к станице лесных просеках с кордонами и сторожевыми вышками — все это сразу же дает почувствовать тревожную и трудную жизнь казаков на «краю земли».

Станица гребенцов, описанная в IV главе повести, представляет собой укрепление. Она обнесена земляным валом и колючим терновником. Въезжают в нее и выезжают из нее высокими на столбах воротами с небольшой, крытой камышом крышкой. Под крышкой ворот на белой дощечке черной краской написано количество домов и количество жителей мужского и женского пола в отдельности.

Толстой с точностью определил размер территории, заселенной гребенцами: «Вся часть Терской линии, по которой расположены гребенские станицы, около 80 верст длины, носит на себе одинаковый характер и по местности, и по населению». Он указывает, что «очень, очень давно» предки гребенцов, старoverы, бежали из России и поселились за Терском в районе гор — Гребней. «Только узкая, саженной в триста, полоса лесистой плодородной земли составляет владение казаков» (6, 14—15). И хотя основное занятие мужского населения — воинская служба, «средства жизни казаков,— пишет Л. Н. Толстой,— составляют виноградные и фруктовые сады, бахчи с арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посевы кукурузы и проса и военная добыча». Казак в станице бывает редко; «большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или

¹² Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, инв. № 8837/24. Разрядка моя.— Б. В.

¹³ Разрядка моя.— Б. В.

рыбной ловле» (6, 16—17). В будние дни станица безлюдна: остаются в ней только совсем старые да малые и больные.

Велика роль казачек в хозяйственной жизни станиц. Толстой отмечает «особенно самостоятельный, мужественный характер гребенской женщины», ее «физическую силу, здравый смысл, решительность и стойкость характера» (6, 17).

Он считает, что казачки «большею частью и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков... Шегольство, чистота и изящество в одежде и убранстве хат составляют привычку и необходимость их жизни». Но Толстой говорит и о тяжести положения казачки: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости до глубокой старости работать на себя, и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда» (6, 16—17). Женщина занимается тяжелым физическим трудом, все хозяйство держится на ее плечах.

В суждениях Толстого о положении гребенской казачки отразились взгляды на роль женщины в обществе, известные и по другим его произведениям. В черновом варианте мы находим: «Несмотря на то, что казак смотрит на женщину, как магометанин, заставляет ее работать, удаляет от общих вопросов жизни, вообще смотрит на нее, как на орудие своего материального благосостояния, женщина в казацком быту имеет огромное влияние. Впрочем, мне кажется, что восточное воззрение на женщину, состоящее в удалении от общественной жизни и в принуждении ее к работе, должно давать тем большую силу и влияние в домашнем быту»¹⁴. Позднее, в окончательном тексте, это мнение автора превратилось в безоговорочное утверждение.

Л. Н. Толстой раскрывает жизнь станицы, показывая цикл сельскохозяйственных работ, начиная с подвязывания виноградных плетей весной и кончая осенним сбором урожая на бахчах и виноградниках, в котором принимает участие вся станица: виноград собирают в «плетушки» — плетеные корзины, наполняют им скрипучие арбы, запряженные быками. Срезают виноград и перевозят его в станицу главным образом женщины; обвязанные до глаз платками, они ведут быков. Даже богачки Марьяна и ее мать выполняют мужские работы, не говоря уж о беднячках — матери и сестре Лукашки.

В повести дана живая картина осенней страды: «Рабочая пора уже началась две недели тому назад, и тяжелая, непрестанная работа занимала всю жизнь молодой девки (Марьяны. — Б. В.). Ранним утром на заре она вскакивала, обмывала лицо холодной водой, укутывалась платком и босиком бежала к скотине. Наскоро обувалась, надевала бешмет и, взяв в узелок хлеба, запрягала быков и на целый день уезжала в сады. Там только часок отдыхала, резала, таскала плетушки и вечером, веселая и не уставшая, таща быков за веревку и погоняя их длинною хворостиной, возвращалась в станицу. Убрыв скотину сумерками, захватив семечек в широкий рукав рубахи, она выходила на угол посмеяться с девками» (6, 112).

В воинском быту казачество показано как своеобразная вольница. Казаки на кордоне занимаются своими делами, плохо слушают приказания начальства, чувствуют себя независимыми от общеармейского командования, но свято хранят воинские традиции. Вообще же Толстой мало останавливается на военных сценах, большее внимание уделяя мирной жизни станицы.

Из среды казачества выходят подлинные герои. Таким был отец Лукашки, смерть которого оплакивала вся станица, таким становится и Лука.

Л. Н. Толстой показывает в повести многие характерные воинские обычаи казачества того времени.

Труп убитого врага казаки стараются сохранить, так как знают обычай

¹⁴ Опубликовано в «Литературном наследстве», № 35—36, М., 1939, стр. 278.

горцев — выкупать мертвое тело родственника. Но одежда и оружие убитого считаются заслуженным трофеем, как и отбитые у врага лошадь или вооружение. Это дает возможность и бедному казаку, идущему на военную службу, иметь обязательное снаряжение и коня.

«Шашки и кинжалы, дороже всего ценимые на Кавказе, называются по мастеру — Гурда» (6, 55). Толстой отмечает, что, собираясь в поход, казаки так прилаживали оружие, чтобы оно не звенело и не брэнчало. «Брэнчащее оружие — величайший срам для казака» (6, 141).

Реплика Лукашки о своем коне: «Кабардинский лов-тавро» (гл. XXVII) Толстой счел нужным пояснить в сноске: «Тавро завод кабардинских лошадей Лова считается одним из лучших на Кавказе» (6, 102). То, что Лука добыл себе «лов-тавро», характеризует его как знатока коней и показывает, что «малолеток» из бедной семьи, наконец, приобрел хорошего коня, необходимого каждому казаку. В начале повести Лукашка — малолеток. Толстой поясняет, что малолетки — «казаки, не начавшие еще действительной конной службы» (6, 61).

Провожая Лукашку на кордон, мать говорит: «...возьми в сених мешочек. У людей заняла, тебе на кордон припасла. Али в *саквы* положить». Толстой делает примечание: «Саквами называются переметные сумки, которые казаки возят за седлами». Но у Лукашки коня не было, он перекинул саквы через плечо и пошел. Мешочек нужен при переправе через реку¹⁵.

Толстой пишет, что «любовь к <...> праздности, грабежу и войне составляет главные черты» гребенского казачества (6, 16). Наряду с этим мы видим казака-бедняка Ерошку, который опровергает это утверждение. В одном из черновых вариантов повести старик рассуждает: «...И зачем она война есть? То ли бы дело, жили бы смирно, тихо, как наши старики сказывали. Ты к ним приезжай, они к тебе. Так рядком, честно да лестно и жили бы. А то что? тот того бьет, тот того бьет. Наш к ним убежит — пропал, ихний к нам бегаёт. Я бы так не велел» (6, 170). Эти строки не вошли в окончательную редакцию текста, но Ерошка и здесь остался противником войны и горячим сторонником дружбы между русскими и горцами (см., например, 6, 57).

Обычай куначества понадобился Толстому, чтобы показать реальность дружбы между народами. Ерошка — противник войн, в старое время у него «вся Чечня кунаки были». Кунаки отдаривали друг друга: привозили «пешкеш» — подарок. У Лукашки тоже есть в горах друг-кунак Гирей-хан. Следуя обычаю, Лука привез Оленину кинжал и объяснил: «Как можно, — кунаки! Меня так-то за рекой Гирей-хан привел в саклю и говорит: выбирай любое. Вот я эту шашку и взял. Такой у нас закон» (6, 103). В условиях затяжной войны на Кавказе дед Ерошка учил Луку, что не каждому кунаку всегда можно доверять: «Верить — верь, а без ружья спать не ложись» (6, 63). Куначество между казаком и Олениным не состоялось; так Толстой еще раз показал чуждость Оленина станичной жизни.

В одном из вариантов Толстой пояснил особое значение слова «няня»: «няня» имеет значение ближайшего друга на казачьем наречии» (6, 203). В каноническом тексте имеется такое примечание: «Няней называется в прямом смысле всегда старшая сестра, а в переносном «няней» называется друг» (6, 55). Когда-то был и у Ерошки «няня» Гирчик, оставивший по себе добрые воспоминания у старика; теперь он сам стал «няней» — бескорыстным и верным другом Лукашки.

Большое место в повести отведено охоте (на зайцев, фазанов, оленей, кабанов) — одному из любимых занятий гребенцов. Ерошка для охоты приручил сокола, берет с собою «кобылку». Стреляет он с «подсошки», на которую опирается ружье. Лукашка ловит фазанов «петлей».

¹⁵ В другом месте повести (6, 36) один из казаков, глядя на убитого Лукашкой чеченца, говорит: «И зипун в мешочке на спине приладил. Оно и плыть ему легче от нее...».

Рассказывая о ночной охоте, Ерошка говорит о лопазике. Толстой сделал сноску: «Лпазик называется место для сиденья на столбах или деревьях» (6, 57). Ерошка не мог долго жить в станице, сидеть в избе не любил: тут бабы ругаются, дети кричат. «Только нагретишь,— говорил старик,— или пьян надуешься». А ночью в глухом лесу на дереве в лопазике, под открытым небом Ерошке привольно,— здесь он все знает и о многом думает. Так «этнографическая деталь» помогла раскрытию характера старого казака.

Кроме общего описания станицы, Толстой уделяет большое внимание и описанию отдельных жилищ: «Дома казаков все подняты на столбах от земли на аршин и более, опрятно покрыты камышом, с высокими князьками. Все — ежели не новы, то прямы, чисты, с разнообразными высокими крыльчками и не прилеплены друг к другу...» (6, 18). Перед светлыми большими окнами многих домов посажены тополя, цветы.

Рядом с жилым помещением в доме Марьяны построена «избушка» — низенький холодный срубец, где кипятится, а затем хранится коровье и буйволиное молоко, готовится пища, а на крыше вялится виноград. (О внутреннем убранстве жилища, описанном Толстым, см. выше.)

Виноградарство, развитое у гребенских казаков, привело к бытовому употреблению у них вина, и казачья семья даже в обычные дни пьет чихирь. Пьют и мужчины и женщины, по очереди, прямо из горлышка кувшина или в круговую из деревянной чашки — «чапуры». Но «пить по-казацки» даже в мужской компании — значит не напиваться.

Обедают летом чаще всего в саду около хаты, ужинают в «избушке».

Одно из любимых блюд в станице — пилав из фазана. Обеденный стол в страдные дни: чихирь, виноград, сушеная рыба, каймак и хлеб. В хате обедают, сидя за столом на лавках, но в сад выносят низенький круглый татарский столик. Перед обедом из кувшина омывают руки. Сидят за столиком, поджав ноги, по-восточному. Так обедают богатый хорунжий Ильяс со своей семьей.

Толстой обращает внимание и на одежду казаков: «Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца». «Казачки носят одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешмет и чувяки, но платки завязывают по-русски» (6, 16, 17).

Тщательное описание одежды, манеры ее ношения характеризует действующее лицо. На Лукашке надета широкая кое-где порванная черкеска, шапка заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен: «Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам. На настоящем джигите все всегда широко, оборвано, небрежно; одно оружие богато» (6, 24). Аристократ Оленин тоже нарядился по-казацки: на нем была «красная канаусовая рубаха, белая черкеска, стянутая ремнем с кинжалом, и высокая шапка» (6, 91). И все-таки настоящим молодцом выглядит Лука, а Оленин и в казачьей одежде не был похож на казака.

Одежда и охотничьи принадлежности Ерошки тоже описаны детально, причем автор дает в подстрочных примечаниях объяснения отдельных терминов. На нем — оборванный зипун, на ногах обвязанные веревочками по опучам оленьи поршни (примеч.: — «обувь из невыделанной кожи, надеваемая только размоченной»), на голове — растрепанная белая шапочка, за плечами — кобылка (примеч.: — «орудие для того, чтобы подкрадываться под фазанов»), мешочек с курочкой и кобчиком для приманки ястреба, в руке флинта (объясн.: — «огромное пистонное ружье»), на поясе — конский хвост, чтобы отмахиваться от комаров, мешочек с пулями, порохом, хлебом, большой кинжал с порванными ножнами. Умело подобранные детали одежды и снаряжения Ерошки рисуют его как опытного охотника-профессионала, бедняка-станичника старшего поколения.

Л. Н. Толстой подробно описывает празднество в станице, которым

заканчивался сбор урожая. Разодетая молодежь после работы вышла на площадь. Девушки в разноцветных бешметях и белых платках сидели кружками на завалинках хат и на земле. Ребятишки играли в лапту и в ловитки. Девочки-подростки поодаль водили хороводы и пели песни. Молодые казаки в нарядных белых и красных черкесках, обшитых галунами, взявшись рука с рукой, по-двое, по-трое ходили от одного кружка к другому. На площадь вышли и старухи; на завалинке дома станичного правления сидели и беседовали степенные старики. Позднее начали водить хороводы девушки, одна затягивала песню, а остальные подхватывали; в игру включались парни. Говор, смех, песни и щелканье арбузных и тыквенных семечек звучали по всей площади.

Толстой отметил даже такую деталь, что женщины, проходя мимо сидевших на завалинке стариков, «приостанавливались и опускали головы», а «молодые казаки почтительно уменьшали шаг и, снимая папахи, держали их некоторое время перед головою. Старики замолкали... медленно снимали и снова надевали папахи» (6, 127), — таков был казачий этикет.

Между девушками и парнями в гребенских станицах установились, по определению Оленина, «странные, циничные и вместе с тем строгие отношения»: на гулянках молодежь без стеснения целовалась, за семечками молодой казак лез к девушке за пазуху, и т. п.

Неоднократно в повести Л. Н. Толстой возвращается к показу не только трудовой деятельности, но и праздничных развлечений, отдыха казаков.

Дед Ерощка рассказывает о том, как гуляли в станицах в давно прошедшие времена: женщины «на голове кокошники золотые носили» (6, 129), всю ночь пели, веселились, плясали и пили чихирь. То, что гребенские казачки носили кокошники, также подтверждает их русское происхождение. Ерощка вспоминает масленичную игру в «городки», известную и по этнографической литературе¹⁶. Девушки брали прутья, парни на конях старались прорвать стену стоящих перед ними девушек и схватить любимую, а те бивались. Парень «прорвет стену, подхватит какую любит и увезет» (6, 129).

Л. Н. Толстой в письме к В. В. Арсеньевой от 9 ноября 1856 г. отметил: «Работать умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку строгать, что-нибудь, — но в этом первое условие нравственной, хорошей жизни и поэтому счастья» (60, 105). Привычка «строгать палочку» во время беседы либо вообще на досуге имеется у горцев¹⁷. Лукашка, руки которого скучали без работы, тоже принимается за строгание палочки. Находясь ночью в секрете, «Лукашка соскучился, встал, достал ножик из-под кинжала и начал строгать палочку на шомпол» (6, 31). На следующий день, сидя рядом с Олениным, он опять строгал палочку (6, 82).

В одном из черновых вариантов Толстой писал о казаках: «Одно общее им всем — это особенная понятливость, живость, удалство и чувство изящного, чувство красоты (...). И чистое убранство хат, и блестящая красивая одежда (...), и цветы, которые любят женщины, и песни — все показывает это. Должно быть, красота природы и гребенской женщины развила в них это чувство»¹⁸.

Ряд бытовых подробностей в повести характерен для гребенцов-староверов, которые, следуя религиозным «устоям», должны были начинать каждое дело мблитвой, соблюдать посты, пользоваться отдельной посудой, не заниматься развлечениями и курением табака.

Марьяна, прежде чем налить вино, произносит слова молитвы. Примитив ночью в секрете чеченца, Лукашка проговорил: «отцу и сыну», а уж

¹⁶ См. например, А. Ржевусский, Терцы, Владикавказ, 1880, стр. 224—230.

¹⁷ В повести «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого ее главный герой тоже строгает палочку во время вынужденного безделья.

¹⁸ Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого. инв. № 8837/12.

потом нажал шишечку спуска своей винтовки. Илья Васильевич соглашается выпить чай с Олениным только из своего «особливого», а не из «мирского» стакана. Казачки не дают посуду солдатам и жалуются на то, что те «табачищем дома загадили». Вспоминая о том, как он однажды «умирал», Ерощка рассказал: «Под святые (иконы.— Б. В.) меня сперли < ... >. Привели ко мне бабы уставщика (лицо, заменявшее у старообрядцев-беспоповцев священника.— Б. В.) ...бают: он (Ерощка.— Б. В.) *мирчился*, с бабами гулял, души губил, скоромился, в балалайку играл. Покайся, говорят» (6, 148).

В среде казачества находили себе место и различные народные приметы, поверья. Ерощка, идя на охоту, старается не встречаться с женщинами. Увидев во время охоты лежащую поперек дороги палочку, он читает молитву, чтобы отвести неудачу. Себя старик считает с детства испорченным ведьмой. Лукашку он учит заговору от пулевых ранений («Здравствуйте живучи в Сиони...»).

* * *

В повести «Казачки» Толстой стремился изобразить часть русского трудового народа, свободного от гнета крепостничества и слабо затронутого также капитализмом. Он показывает, что народ живет своими законами, по-своему расценивает окружающее, у него своя философия и этика, что народ без помещиков и капиталистов может «жить и удовлетворять всем своим человеческим потребностям, как-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественные произведения» (8, 346).

Создавая свою повесть, Толстой хотел показать людей, близких к природе, нарисовать общину, которой руководят только «законы природы». Однако правда жизни победила, и в повести нашли отражение социальные противоречия. Повесть «Казачки» представляет большой историко-этнографический интерес еще и потому, что отразила начало перелома в жизни гребенского казачества. Этот процесс образно определил С. М. Киров в своей речи 12 марта (27 февраля) 1918 г.: «...молодые силы казачества, которые когда-то парили в зените свободы, превращались постепенно из граждан в профессиональных воинов»¹⁹.

В связи с этим героический дух казачества падал. Ерощка с презрением отзывался о молодом поколении казаков: «Нынче уж и казаков таких нету. Глядеть скверно. От земли вот (Ерощка указал на аршин от земли), сапоги дурацкие наденет, всё на них смотрит, только и радости. И пьян надуется; да и напьется не как человек, а так что-то». (6, 55). Или: «Не то время, не тот вы народ, дермо казаки вы стали» (6, 64). Казак «новой формации» был Ергушов.

Казак из бедняцкой семьи, вроде Лукашки, Назарки, оказывался беззащитным и бесправным перед властью имущими. В станице появились кулаки: есаул, хорунжий Иляс и другие. Пьяница-урядник вне очереди послал в секрет Луку и Назарку, а очередного, своего собутыльника Фомушкина, отослал в станицу за чихирем. Провожая Луку, мать поучала: «Пуще всего начальника ублажай, нельзя!» (6, 66).

В станице среди простых казаков живут офицеры: есаул, хорунжий. Марьяна — дочь хорунжего стала невестой бедняка Лукашки. Сословные границы в станицах отсутствовали, потому что среди казаков не было дворян, но выростали социальные различия. Богач Илья Васильевич потребовал большой калым — выкуп за свою дочь Марьяну. (Кстати, брать калым — горский обычай.) Жена его даже не поддерживает разговор о сватовстве с матерью Лукашки. «Хорунжиха знает намерение Лукашкиной матери, и хотя Лукашка ей кажется хорошим казаком, она отклоняется от этого разговора, во-первых, потому, что она — хорунжиха и богачка, а Лукашка — сын простого казака, сирота. Во-вторых, потому,

¹⁹ С. М. Киров, Статьи, речи, документы, т. I, Партиздат, 1936, стр. 47.

что не хочется ей скоро расстаться с дочерью. Главное же потому, что приличие того требует» (6, 21).

Среди обитателей Новомлинской Толстой увидел и «скулатого оборванного работника-ногайца» (6, 19). Во время сбора винограда «ногайцы-работники с засученными ногами и окрашенными икрами виднелись по дворам» (6, 110).

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» писал о вытеснении с Кавказа «туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов». «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»²⁰.

Особенности ранней стадии проникновения капиталистического уклада в быт гребенского казачества нашли отражение в повести Толстого. Вместо бурдюков и кувшинов в станице пользуются покупными бочками. В зажиточных домах, например у хорунжего, появились, наряду с чапурами и кувшинами, фабричные стаканы и графины, а также редкие еще в станице спички. Ильяс и многие молодые казаки стали обуваться не в ноговицы и поршни, а в сапоги, и т. п.

* * *

Заканчивая наш обзор, можно сделать вывод, что характерные этнографические моменты, использованные Л. Н. Толстым в процессе работы над повестью «Казачи», помогли ему правдиво нарисовать изображаемую действительность, особенно ярко и многосторонне раскрыть образы казаков — героев повести и выявить основную идею повести.

Произведение Толстого, рассмотренное нами, является блестящим подтверждением мысли В. Г. Белинского: «Истинные поэты потому живописуют нравы и обычаи страны, избранной ими театром своего романа или повести, что без этого их лица были бы призраками, а не действительными, живыми созданиями»²¹.

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 521.

²¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. II, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 482.